

ника выше Щепкина. Тѣмъ не менѣе, нашъ благодушный артистъ не ревновалъ публику къ своему сопернику: онъ умѣлъ забывать свое „я“ и отдавался искренно безкорыстнымъ эстетическимъ наслажденіямъ.

Далекій отъ чувства зависти и другихъ мелочныхъ страстей, Щепкинъ не питалъ ни къ кому злобы и имѣлъ полное право сказать о себѣ: „Я люблю всѣхъ людей“. Онъ любилъ даже дурныхъ людей, движимый высокимъ христіанскимъ чувствомъ всепрощенія. „Кто знаетъ, что его сдѣлало дурнымъ“, — говорилъ Щепкинъ про плохого человѣка, — „можетъ быть, онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему было некому сказать“. Онъ любилъ спасать людей изъ бѣды, выручать ихъ и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ съ охотою готовъ былъ, ради другихъ, забывать свои прямые интересы. Такъ, въ силу чувства товарищества и участливости къ бѣдному человѣку, Щепкинъ, служа въ полтавской труппѣ на жалованье въ 1,500 рублей, отказался отъ весьма существенной прибавки въ 500 рублей. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы уступить назначенныя ему деньги товарищу, Угарову, какъ человѣку нуждающемуся и семейному.

Всѣхъ любилъ. Это не преувеличеніе. Это — сама правда. Тѣ, кто не понималъ Щепкина, люди подозрительные, недовѣрчивые отъ природы приписывали его мягкое обращеніе, съ которымъ онъ относился буквально ко всѣмъ, честолюбію, будто болѣзненно развитому въ немъ. Другіе говорили даже, что онъ — лукавый человѣкъ, желающій всякому угодить даже